

SoAMO

Летучий корабль «Циолковский»

Дмитрий Никитин

ФАНТАСТИКА

Хорошо. Тихо, разве что вддали, слышно, играют «На сопках Маньчжурии». И небо смотрит меж деревьев. Красивое небо. Бездонное, голубое. Только синевы этой в вышину верст десять, не более.

— Вань, а, говорят, там у вас и днем небо, как ночью, черное?

— Не так чтоб совсем как ночью. Как вечером поздним.

— И звезды видать?

— Не упомяну.

— А вправду, что вам сверху люди на земле как мелкие букашки?

— Нам, Мань, оттуда людей вообще не видать. Река широченная, как жилка тонкая, вьется...

Рядом нехстати заскрипели сапоги. Присмотрев за кустами офицерские погоны, встал и, чеканя шаг, вышел на дорожку:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!!!

Офицер, капитан пехотный, от крика моего аж отпрянул. Выпучил зенки:

— Ты что, пьян?! Под арест захотел?!

— Никак нет! Трезвый я.

— Как стоишь, морряк?! Как одет?! С какого судна?! — И кулачищем у моего носа.

Не маши, не маши. Тоже мне, пехота! Десятый год, закопавшись, сидите, пока другие за вас воюют. С какого судна? Это у тебя в лазарете будет судно под койкой, а у нас на флоте — корабли. Нормально стою, а что не так одет, так не успел, как с подлодки перевели, приодеться. Потому и обмундирование у меня сборное. Штаны флотские, китель армейский, погоны летные, а заместо пилотки — бескозырка. Разве что ленточку поменял с «Нерпы» на «Циолковский».

— Военно-воздушного флота старший противодиррижабельный комендор Иван Фомин!

Капитан поостыл, изучает меня в затруднении: что, мол, за птица.

— Так ты, Фомин, по цеппелинам стреляешь? Зенитчик морской?

— Никак нет! Служу в Отдельной эскадре высотных воздушных кораблей.

— На «муромцах» летаешь? Авиатр-р?

— Никак нет! Мы по воздухоплавательной части.

— Так-с! Аэронавт, значит. А командир у вас кто?

— Виноват, ваше высокоблагородие, воинская тайна.

Посмотрел на меня капитан, плюнул, повернулся да и пошел обратной дорогой. Так-то лучше! Я же выждал и тоже назад на свою полянку направился. Только Маньки там уже не было. Убежала, испугавшись, даже платок в траве забыла. Поднял, сунул за пазуху. Эх, спортил гад капитан все теплое мое прощание!

Вышел из парка, иду по улочке кривой, поверх заборов в садики абрикосовые заглядываю. В придорожном за-

ведении за столиком летчики-офицеры гуляют. Те, что эллинги наши от германских «гот» сторожат. Углядел меня один и кричит:

— Господа, господа! Полюбуйтесь на матросика! Эй ты, подойди-ка сюда!

— Звали, вашбродь?

— Скажи-ка, любезнейший, ты ведь истребитель?

— Так точно! Можно сказать, с истребителя. С контрдирижабля «Инженер-конструктор Циолковский».

— Слышали, господа? С истребителя. А какова скорость, позволь узнать, у вашего истребителя?

— Узлов пятьдесят даст.

— Пятьдесят узлов — это меньше ста верст в час. У истребителя! Ха-ха-ха!

Ну да, им смешно, ихние «нюпоры» и больше двухсот нынче разгоняются.

— Дозвольте спросить, вашбродь, — подкрутил я ус. — А на сколько верст вы сами вверх забираетесь? Мы вот на двадцати недавно бывали.

— На двадцати верстах?! А не врешь?

— Ей-Богу!

— Ладно, садись, выпей с нами за боевое братство!

Отчего же не выпить, если сами предлагают? Но, оказалось, не судьба.

Застрекотала позади мотоциклетка. Оглянулся — самокатчик из штаба. Кричит мне:

— Фомин! Где тебя черти носят! Получасовую готовность объявили, а ты в распивочной ошиваешься!

Посадил меня в коляску, и помчались мы с ним в воздушный порт.

Над городом между тем первый летучий корабль показался — «Черномор». Это я по тому разобрал, что у него боковые рули особенные, и под кормой флаг адмиральский висит. Адмирал наш завсегда на «Черноморе» летает. Народ из домов высыпал, головы у всех вверх задраны. Что и говорить — есть чему подивиться. Плывет по небу серебряная громадина, веретено величины небывалой. С дредноут «Николай». Нет, куда больше. Это ведь он еще не весь свой размер показал, на высоте чуть не вдвое раздует от воздухоподъемной силы. Бока у него сейчас впалые, шпангоуты сквозь обшивку торчат, будто ребра у полумертвой лошади. (Ротмистр Романов наш корабль, пока он у земли, завсегда «конь блед» обзывает.) А наверху, близ этой, стратосферы, обшивка гладкой станет, словно у сытого мерина. Но это мало кто видит, только с других кораблей — наших или германских.

Подвез меня самокатчик прямо к причальному полю. «Циолковского» из эллинга уже вывезли, держат канатами, чтоб раньше сроку не улетел. Со стороны он ровно древний зверь диплодок с двумя шеями (картинку такую в книжке видал). А вокруг слоны-газгольдеры к нему хоботами-шлангами присосались, водород в нутро качают.

С подвод керосин в баки льют, снаряды в боевые погреба грузят, мины самолетные заряжают. Ну а мне дорога — в главную кабину, что спереди под брюхом у корабля висит. Полез я по трапу внутрь. Командир наш, полковник Башко, у входа мельком на меня глянул:

— Ну, наконец все в сборе. Задраить люки!

Пошел командир к себе в носовой фонарь да как гаркнет в переговорную трубу:

— На поясных — свободу! Машинное — полный ход!

Тут меня снизу в ноги ударило. Чувствую, понеслись мы по воздуху — «Черномору» вдогонку. Глянул в иллюминатор — земля вниз пошла проваливаться, порт с газовым заводом и эллингами уже позади, весь город подо мной, как на ладони. Вон загогулинка улочки, где недавно был; вон пятнышко зеленое парка городского, озерцо блестит, как новый рубль, а вон вроде и крыша соломенная беленой Манькиной хаты. Эх, Манька, может, стоишь ты там на пороге, смотришь в небо, как я в вышине лечу.

Тут старший артиллерийский офицер подполковник Наумов, начальник мой, оторвался от перископа:

— А, Фомин пожаловал. Марш наверх, проверяй свое хозяйство!

Побежал. Благо, пока не высоко, можно скафандр не надевать. Буршлат лишь накинул да рукавицы взял. Из кессонной каморки по трапам меж баллонетов на верхнюю палубу поднялся — «Циолковскому» на спину. Вот где простор! Как вышел, сразу пристегнулся на случай крена — а то вздумают маневрировать, и покатишься да полетишь вниз бескрылой птицей. Наверху над нами «Черномор» уж еле виден. От моторов за ним по небу будто пряжа белая тянется. И впрямь, как борода седая. Значит, на верстах пяти-шести идет. Да и мы высоко уже поднялись, замерзать начал. Быстро все на своей носовой площадке осмотрел, затвор открыл-закрыл, автомат зарядания провернул, где положено смазал, перископные линзы протер с благопристойным лицом: на случай, если старарт еще смотрит. Помахал рукой Сидорчуку, что на кормовой площадке возился, да не докричался, только холод горлом схватил. Перед тем как уйти, перелез с опаской леера, прошел вниз по горбу газового корпуса — посмотреть, что там внизу. Море! Стало быть, на юг идем. К туркам, что ли? С чего бы это? У султана вроде цеппелинов нет. Ладно, пора в кабину, в тепло.

А там уже дали приказ пить чай или, кто желает, какао из термосов. Офицеры о чем-то меж собой говорят. Наострил уши.

— Три немца, — сказал негромко подполковник Наумов. — С багдадской базы. Сейчас уже над Трапезундом прошли.

— Может, разведчики? — спросил лейтенант Стасов, второй артиллерист.

— Разведчики втроем не ходят. Полагаю, что два — как мы, пушкари-истребители. А вот третий... Он с ней идет.

— С кем?

— С бомбой атомической.

Откуда высотные корабли взялись — нам в воздухоплавательной школе объясняли. В начале войны большие дирижабли-цеппелины у одних германцев были. Сперва они низко летали. Ну и сбивать их стали. Цеппелины норовили выше летать, чтобы их истребители не доставали. В конце концов германцы такой дирижабль построили, что до самой стратосферы поднимался. Только бомбы оттуда точно не кинешь, в цель не попадешь. Поэтому высотные

корабли германцы лишь иногда для разведки пускали, а низколетные цеппелины на обычные бомбовозы стали менять.

Между тем Сердечное согласие со всех сторон Германию стеснило, и дело к нашей скорой победе шло. Однако иначе все повернулось из-за новой германской бомбы — атомической. О такой бомбе писал еще фантаст английский — Велс. Еще до войны. Но на деле изобрели ее германцы всего лет пять назад. И была та бомба в книжке не больше гранаты ручной, а получилась размером почти с вагон. Внутри атомической бомбы заложена самая страшная взрывчатка, ядерная (так прямо и называют). Целый город можно сжечь одной такой бомбой. Пустили ее в ход германцы по-подлому — оставили, спрятав, близ своих позиций, потом отступили притворно, чтобы наши войска туда пришли да и взорвали по радио. Первый раз такое под Перемышлем было, когда Брусиллов снова его брал. Так рвануло, что целая дивизия в пепел сгорела. И еще два корпуса армейских атомическими лучами обожгло. Потом у Ипра с англичанами похожее случилось, и у Салоник — с сербами и греками. С тех пор фронт, считай, и остановился: больше никто не наступает, тайных атомических мин опасаются.

Но германцам этого мало показалось. Хотели они и дальние города жечь. Только как туда неподъемно тяжелые бомбы доставить? Пробовали и громадные самолеты строить, и подводные лодки — если против морских портов. Однако каждый раз и бомбовозы, и подлодки те перехватывали и побивали, потому как крепко стереглись. И вот германцы решили атомическую бомбу под свой самый большой высоколетный дирижабль подвесить: ему, мол, на такой высоте можно без помехи куда хочешь лететь, а когда бомбу сбросит, тут уж не важно, если она малость мимо упадет — все равно за сто верст вокруг все сгорит.

И нам, чтобы вражьи цеппелины сбивать, пришлось срочно свои дирижабли строить. Благо наш главный воздухоплавательный конструктор Циолковский давно такой уже изобрел, только денег ему на постройку не давали.

Стало быть, летим на перехват вражьего цеппелина. А ведь он к Киеву или к самой Москве прорывается. Любят германцы в обход ходить. Думают, не заметят. Вообще, интересно, как их в небе отыскивают? На что уж Манька, баба неразумная, а давеча спросила: как вы, мол, страхосверную эту дырожабу в выси находите, коль ее там и не углядеть? Справа от меня, кстати, поручик Цандер оказался, старший механик. Он у нас на корабле за главного по всей технической части, но с простым человеком не брезгует поговорить.

— Ваше благородие, позвольте спросить? Как мы про германские цеппелины узнаем, что они летят? Их ведь с земли не видеть.

— Есть, Фомин, такая вещь — радиолокация. Дальновидение посредством отражения радиоволн.

— Федор Артурович! — засмеялся с другого конца кабины ротмистр Романов. — Зачем Фомина дурите? Какая еще радиолокация! Это же когда под Лугой «Фафнир» упал, с его-то сигнальной книги мы все немецкие радиogramмы и читаем.

— Черт вас побери, ротмистр! — гаркнул подполковник Наумов. — Вы не должны были ничего такого слышать и уж тем более не имели права об этом болтать! Особенно при низших чинах. А если нас собьют? А если Фомин к немцам попадет?

Тут и мое орудие заработало, задергало затвором, только гильзы покатались. Каждый раз удивляюсь — пушка сама собой целится и сама, ровно пулемет, стреляет, так что палуба под ногами ходуном ходит. Попали, видать, наши. Германец совсем на нос встал, с площадок у него люди в небо посыпались, пушка какая-то отвалилась, тоже камнем к земле понеслась. И сам цеппелин спускается, уже вровень с нами. Орудие мое что-то замолчало. Но тут, вижу, от нас огонек с нитью полетел — стало быть, мы тоже самолетную мину пустили. Ударил аккурат в серединку — аж волчком германец закрутился. И пошел, кувыркаясь, вниз падать.

Тогда только заметил я, что горит лампочка вызова на телефонном ящике. Достал провод, вставил вилку в гнездо. В подшлемном наушнике тотчас сердитый голос Наумова:

— Фомин! Чего не отвечал?

— Ваше высокоблагородие! Докладываю, германский цеппелин сбит самолетной миной!

— Да знаю. Ты не по сторонам глазей, а проверь, где у тебя заклинило. И чего Сидорчук молчит. И осторожней там, мы сейчас вверх пойдем.

Оглянулся на корму — Сидорчука чего-то не видно. Ладно, первым делом у себя. Дернул для проверки затвор. Нормально ходит, смазка не замерзла. Открыл лючок, посмотрел: и тут вроде все в порядке. Потом пошел на корму по переходному мостику. Идти легко, как под горку, пока корабль, подняв нос, высоту набирает. Сидорчука заметил, когда уже подходил. Лежит навзничь, раскинув руки, в темной луже за тумбой лафета. Пытаюсь поднять, не выходит, кровь замерзла, приморозило к палубе. Пушкой его, что ли, стукнуло? Нет — настил рядом весь в дырках от шрапнели.

Подключил телефон, говорю старарту:

— Сидорчук убит!

— Да к черту Сидорчука! — орет Наумов. — Что с орудиями?

— Обе пушки исправны.

— Не реагируют! Проверь всю линию! Живо!

Пошел провода смотреть. Обрато иди куда тяжелее: палуба под ногами все круче встает. И дергается. Почему дергается, мы ж не стреляем? Ага! Сверху курс нам второй германец режет. Палит из всех стволов. И, гад, попадает.

Добрался я до главного электрощита, а на нем — дыра. С копотью! А от этого щита провода к обеим пушкам. Открыл. Нет, не исправить. Включил снова телефон.

— Амба! Главный щит сгорел!

В наушнике мат в три этажа с морским загибом. Потом Наумов уже спокойным голосом так говорит:

— Ладно, Иван! Мы сейчас на хвост становимся из кабины бить. А ты уж держись там у себя, цепляйся, за что получится. Извини, брат!

Чувствую, «Циолковский» нос поднимает. Обхватил я перископ, глянул вниз — мама моя родная! Не хочу, куда Сидорчук, оторвавшись, полетел, канул в бездну небесную. Далеко-далеко внизу тучки белыми перышками, а под ними море блестит, как черное стекло. И край его дугой загибается! Наказал Господь увидеть землю круглую!

Вишу. Держусь. Поднял голову: вверху германский цеппелин днище с крестом черным выставил. Вдарить бы! Полез по леерам, как по лесенке, цепляясь. Ладно, если сорвусь, говорят, до земли живой не долетишь, сердце остановится. Добрался до пушки своей, встал ногами на станину, перевел рычаг на ручную стрельбу, подкрутил

маховик наводки — хорошо, дистанция невелика, без поправок обойтись можно. И когда германец в панораму влез, педаль рукою вдавил. Дернула пушка стволом, чуть затвор меня не сбил. Попал — нет, не смотрю. Только следующий снаряд в казенник скользнул, я снова педаль нажал. И снова чуть не сорвался. И снова, и снова. А потом — все: снаряды в лотке кончились. А новый — элеватор без тока не подал. Тогда лишь вверх глянул. Прибавилось, вроде, в цеппелиновом брюхе дырок. И тут вижу — в это брюхо, прямо в крест, мина наша влетает, рвет корабль взрывом на две части. И обе половинки, скалясь балками железными, прямо на нас сверху валяются. И мы меж ними ровно так проходим...

Не помню, как выровнялись. Вдруг заметил, у меня на манометре стрелка к краю ушла — баллоны в воздушном ранце на исходе. Еле отлепил пальцы от станины и, шатаясь, к трапу пошел. Спустился в кессон, закрыл, пустил воздух. Хотел уж шлем снять, да решил обождать. Отдраил люк в кабину, и ветерком меня так в спину толкнуло. Гляжу — все в кабине вверх дном перевернуто, и народ лежит. Все мертвые. Ни единого живого. Командир, полковник Башко, у штурвала упал, подполковник Наумов — у минного прицела, остальные — кто где вповалку. У всех полосы кровавые из носа и ушей. Воздух из кабины, стало быть, вышел. Ну, мне долго думать некогда. Взял из беседки пару новых баллонов, стал в ранце у себя менять. Вдруг меня кто-то сзади за плечо тронул. Ой, страх! Обернулся — стоит какой-то в скафандре, через лицевое окошко не узнать. Рукою мне показывает на переходной люк. По нижнему мостику, значит, прошел и меня к себе зовет. Я за ним на корму в машинную гондолу. Еле протиснулись в тамошний тесный кессон. Воздух в кормовой кабине был. Сидели там два моториста: Голубец со Шкудовым. А привел меня, значит, стармех поручик Цандер.

Снял он шлем, посмотрел хмуро:

— Фомин! Слышал, обе верхние пушки из строя вышли. Как же ты стрелял?

— Электричество сгорело, а вручную можно пальнуть. Но элеватор придется самим крутить. Вашбродь! А с остальными-то что сделалось?

— Снаряд им обшивку пробил. Может, успели бы пробоину заткнуть или маски надеть... Только они как раз мину запустили и ввели по проводу. Попасть сумели. А себя спасти — нет. Теперь вот нам вчетвером с последним цеппелином разбираться. Я с Голубцом буду здесь, с кормового поста, кораблем управлять, а тебе со Шкудовым — наверх. Шкудов! Будешь Фомину помогать элеватор крутить.

— Вашбродь! А справимся вчетвером?

— Если не справимся, товарищи наши, выходит, зря погибли. Бомба — у последнего немца. Иначе бы он назад повернул, а не на север так рвался. Ничего, если у него бомба, значит, пушки сняли. Ну, большую часть. Нам бы лишь высоту набрать. Плохо, друг Фомин, что дырок много в нас наделаю.

И снова стою я наверху, у пушки своей. Пока не стреляю, германец далеко. Вернее, высоко он пока от нас. Это на сколько же верст, интересно, мы поднялись? Небо совсем почернело, звезды на нем врассыпную, хоть солнце в стороне ярко светит. От солнца этого, что ль, жарче стало, пот у меня по лицу так и льет, глаза заливаает, и не вытереть за стеклом-то. Скафандр раздуло, еле пальцы в перчатках сгибаю. По телефону поручик Цандер:

— Приготовься, Иван, сейчас вверх пойдем!

Куда ж еще вверх-то?!

Скакнул корабль подо мной, как конь норовистый, аж ноги у меня подкосились. И полетели мы ввысь полным ходом.

— Стреляй, Иван, стреляй!

— Далеко еще, вашбродь!

— Все равно стреляй, пусть немец видит, что мы по нему из орудий бьем!

Приказано, значит, огонь! Ухватился, потянул со всей силы затвор. Снаряд скользнул в казенник. Прикинул я примерно дистанцию и курсовую поправку, навел пушку, задрав ствол почти до упора. Махнул рукой Шкудову, чтобы подальше от греха отошел. И вдавил ногой педаль. Заработала пушка моя, весь лоток в минуту ушел.

Вдвоем со Шкудовым взялись за ручки элеватора, подняли снарядный лоток. Снова затвор передернул, встал у прицела. Странно... Немец-то не больно к нам приблизился. Тоже высоту набирает? Педаль! Пошла писать губерния! И опять все по новой...

А с кормы у нас кто бьет? Двое в скафандрах. Всунул вилку в другое гнездо, позвонил. Ответил стармех:

— Чего тебе, Иван? Снаряды кончились?

— Никак нет, вашбродь! Только кто ж кораблем правит?

— Никто. Закрепил я рули, все равно немцы с курса теперь не уйдут, побоятся высоту потерять. Вверх мы их гоним. Ты, главное, стреляй, не останавливайся. Каждый выстрел нас на вес снаряда легчит, вверх поднимает.

Стрелял я, стрелял — сколько не упомяну. Да и не видел уже ничего, пот глаза ел. Вдруг чую, Шкудов меня держит, не дает больше на педаль жать. И в наушнике поручик Цандер кричит:

— Получилось, Иван, получилось!

Поднял я голову, посмотрел, куда Шкудов рукой показывает.

И верно — взорвался последний цеппелин! Корпус газовый — в клочья, на голых шпангоутах — обшивка лохмотьями, но кабина вниз ровно на киле идет. Когда мимо нас пролетала, немцы в скафандрах на площадках в ряд встали, руками нам машут. Успел прочесть названия на ихнем борту: «DER RIESE SURT».

— Вашбродь! Как мы его приложили!

— Да нет, Фомин! Мы немцев так высоко загнали, что у них баллоны лопнули. Оболочка не выдержала. Тут же почти полный вакуум. Пора и нам вниз.

— Прикажете в кабину спускаться?

— Так нет кабины. Я для облегчения ее сбросил, чтоб от немцев не отстать. Я, перед тем как уйти, обогрев газа на полную включил и выпускные клапаны перекрыл намертво. Слава Богу, наша оболочка крепче немецкой оказалась. Но долго и она тут не выдержит.

— Как же нам теперь?

— На парашютах. С такой высоты, правда, никто не прыгал. Но хоть какой-то шанс. Так что последний приказ мой — всем покинуть корабль!

Не стал я долго раздумывать, себя жалеючи. Натянул поверх скафандра мешок парашютный, с поручиком и мотористами на палубе попрощался да и вперед спиной первым за борт сиганул. Лишь глаза поднял, стал «Циолковский» уж малым пятнышком в черноте небесной. Потом и вовсе пропал — не видел, что с ним дальше стало.

Ох, долго же я летел! Будто так и завис недвижно между землей и небом. Потом завывло диким ветром вокруг, крутить меня стало. Едва сознания не лишился. Рванул я тогда, как учили, выпускное кольцо. Дернуло лямками подмышки, чуть хребет не сломал. Хлопнул парашют, раскрылся. А до

ФАНТАСТИКА

земли еще версты четыре, несет меня над морем. Вдали на горизонте полоска земли виднеется. И вдруг с той стороны светом лютым, жгучим глаза мне, как спицами калеными, до самого мозга прожгло.

С той поры уже мало чего помню. Выловил меня позднее в бессознательном виде миноносец «Летун». Скафандр мой помог, не дал утонуть, да и от эманацій атомических уберег. Так что цел я остался. Не знаю, с самого ли начала хотели германцы бомбу свою на порт наш воздушный сбросить или, когда падать стали, взорвали. Не было больше ни порта, ни города.

В госпитале думал, приеду, хоть тень от Маньки моей отыщу. Говорили, после атомической бомбы тени одни от людей на стенах домов остаются. Не было там ни домов, ни стен. Потопом от водяного вала с моря все подчистую слизало. Похоронил тогда, где, как думал, хата Манькина стояла, платок ее — чтоб хоть что-то от любви моей сердечной там осталось.

Бездонное небо, глубокое. Снова смотрит на меня, говорит о чем-то. Небо брани с великанами чужедадьными, что приходят с огненным мечом земле моей, народу моему конец положить. Шаги рядом. Подождал, пока подойдут, тогда только встал с травы. Из-под ворота скафандра достал не спеша папироску, закурил, посмотрел, кто пожаловал.

Полковник Цандер в штатском, с Георгием в петлице. С ним два вольноопера, совсем мальчишки. А в стороне еще иностранец в ненашей форме, все на снаряд позади озирается. То, мил человек, КЭЦ-7, стратосферная ракета. О такой Федор Артурович, когда еще поручиком был, говорил. Вот только радиолокационный автомат для этого снаряда так и не изобрели. Приходится самому летать: наводить на германские цеппелины.

— Позвольте представить, — сказал Цандер. — Пилот-стратонавт подпоручик Иван Фомин. А это наш американский союзник полковник Герберт Годдарт. Приехал в Россию помочь с постройкой реактивного стратоплана. И два моих новых ассистента, энтузиасты ракетного дела — вольноопределяющиеся Сергей Королев и Валентин Глушко. У нас теперь одна общая задача — господ из «Ракетенфлюгплатце», всех этих Обертов, Небелей и фон Браунов, непременно опередить!

— Обязательно, — говорю, — опередим, раз надо. Приятно, кстати, познакомиться.

